Сын Медузы

Митлянский Даниэль

Открыт памятник российской интеллигенции

Коммерсантъ. - 2004 - 30 июня. - с. 13.

проект скульптура

В Москве появился новый памятник. Он стоит вблизи Земляного вала, в сквере у Музея имени Андрея Сахарова. Как свидетельствует надпись на нем, это памятник российской интеллигенции. Впрочем, у композиции есть и собственное название — «Пронзенный Пегас». На открытии мемориала присутствовал интеллигент „Ъ“ СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Российская интеллигенция умирает с видом победительницы, считает скульптор Даниэль Митлянский

ФОТО ВАЛЕРИЯ МЕЛЬНИКОВА

Сам факт появления памятника описывать довольно отрадно. Создали его скульпторы Даниэль Митлянский (соавтор памятника Ивану Крылову на Патриарших прудах) и Галина Шилина с архитектором Георгием Саевичем. Поддержку этому начинанию оказывали Альфа-банк и Союз правых сил. И это понятно, потому что помимо прочего этим памятником хотели увековечить падение тоталитарного режима и сопутствующие ему новые горизонты либеральной экономики. Но когда дело доходит до основной цели памятника, возникают уже некоторые разногласия. Одни говорят, что «Пегас» увековечивает интеллигенцию, так сказать, элитарную, являясь памятником сразу и Исааку Бабелю, и Анне Ахматовой, и Борису Пастернаку, которым личных памятников в Москве нет и не предвидится. Другие полагают, что мемориальное поле нужно несколько расширить, чтобы вместились в него все представители интеллигентных профессий и особенно пострадавшие от тоталитаризма.

Надо сказать, что сам памятник мало способствует разрешению этих разногласий, потому что по нему крайне сложно сказать, кого и за что, собственно, он хочет почтить. Конечно, искусство составлять программы для памятников ушло в прошлое вместе с комиссиями по монументальной пропаганде. И, с одной стороны, это обстоятельство достойно самого горячего одобрения, ибо теперь скульптору-монументалисту никто не дерзнет указывать, во что памятник должен быть одет и куда должен смотреть. С другой — то же обстоятельство не препятствует нынешним монументам впадать в изрядные иконографические ляпсусы. И в этом смысле Пегас, выступающий персонификацией угнетенной интеллигенции,— пример, безусловно, особо выдающийся.

Видимо, про то, кто такой этот Пегас, уже мало кто помнит. Слишком уж измаяли благородное животное сначала многочисленные поэтические клише XIX века, а потом беззубые советские карикатуры из «Литературной газеты». Так вот, произвела это существо на свет небезызвестная Медуза Горгона — в тот самый момент, когда ей отрезали голову. Будучи предоставленным сам себе, крылатый жеребец как-то выбил копытом из земли Гиппокрену — родник муз, и в этом его заслуга перед поэзией. Но главной его заслугой было то, что, сидя на нем, герой Беллерофонт победил еще одно мифологическое чудище — Химеру. Правда, потом у Беллерофонта не задались отношения с богами. Зевс наслал на летучего коня бешенство, и тот сбросил седока и узду. Беллерофонт при падении так расшибся, что лишился рассудка; что сталось с Пегасом, мифографы рассказывали уже менее ясно.

На Пегасе с памятника узды нет, выражение же морды отчаянно страдальческое, так что можно предположить, что создатели запечатлели его в тот момент, когда Беллерофонт уже упал, а обезумевший конь продолжает себе нестись, не разбирая пути. Согласитесь, все это вместе образует довольно смелую метафору для обозначения подвига российской интеллигенции. Но это мы еще не коснулись стилистического подтекста памятника. Он явно выстроен на контрасте между медной фигурой коня и теми железяками, которые ее подпирают. Сам конь не лишен реализма, хотя все-таки отличается не совсем клодтовской обобщенностью. Учитывая проработку головы, очертания шеи и туловища, можно было бы указать на его близость к скифскому «звериному стилю». Хотя последний в монументальной скульптуре себя не слишком зарекомендовал, а больше тяготел к мелкой пластике, все-таки влияние на него искусства античной Греции бесспорно.

Что же до нижней части монумента, то она всеми силами стилистически противостоит этому непарнокопытному отголоску классики, хотя бы и увиденной через скифскую призму. Любому очевидцу ясно как день, что ржавая железная композиция (несколько вертикальных полос, клиновидное тело и еще несколько прямоугольников, сложившихся под разными углами) является данью уважения русскому конструктивизму. Получается, что то ли классика напоролась на авангард, то ли авангард, наоборот, взорвался и проткнул классику в самый момент ее безудержного полета. А может, авангард просто поддерживает классику, которая пресловутым полетом утомилась — благо конструкция памятника допускает и такое толкование.

Все это крайне любопытно. Конечно, крайне соблазнительно истолковать получившуюся монументальную эмблему в том смысле, что российская интеллигенция (все-таки по преимуществу творческая, раз пронзен именно Пегас — как-никак Гиппокрена, ну а про близкое родство с Горгоной можно и забыть, ладно уж) — носительница светлых классических идеалов, которые насильственно покорежены пришествием авангарда. Но это плохое толкование. Положим, если имеются в виду двадцатые, то еще можно с каким-то неимоверным трудом видеть торжество авангарда символом непопулярных мер в адрес русской интеллигенции, хотя что бы тогда этот авангард делал совсем без интеллигенции, непонятно. Художественным же символом сталинского тоталитаризма, казнящего интеллигенцию, делать конструктивистскую композицию и вовсе нелепо. И уж Музей Сахарова, известный благодетель современного искусства, мог бы дважды подумать, прежде чем приобрести у себя памятник со столь сомнительным идейно-искусствоведческим посылом. Как бы то ни было, если уж фигура крылатого коня так притягательна для интеллигентных монументалистов, куда адекватнее в качестве памятника российской интеллигенции смотрелся бы Пегас, стукнутый коринфской капителью или придавленный снопом пшеницы из золоченой бронзы.

Конечно, в принципе скульптору нипочем сказать своим произведением, что российская интеллигенция — порождение Медузы, а вернее, медузы (не той, которая со змеями на голове, а той, желеобразной и бесхребетной, у которой и вовсе головы нет и которая плавает в море), но лично я такое утверждение счел бы спорным.